

Платоновский диалог «Критон»: возможность более поздней датировки

Золотухина Анастасия Игоревна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Москва, Россия

Диалог «Критон» – не самый обсуждаемый и спорный диалог в платоновском корпусе. Традиционно его помещают в тетралогию вместе с «Евтифроном», «Апологией Сократа» и «Федоном». Бесспорно более поздняя датировка «Федона» давно доказана. Относительно «Евтифрона» тоже существует множество работ, оспаривающих его принадлежность к диалогам раннего периода и даже подвергающих сомнению авторство Платона [Thesleff: 223–224]. «Критон» же и в современных изданиях располагается после «Апологии Сократа» и рассматривается вместе с ней (напр., [Platon]). Представляется, что и относительно «Критона» далеко не все так просто, как считается обычно. Первая возникающая в связи с этим проблема – проблема датировки.

Основаниями для постановки такого вопроса служат сама тематика «Критона», основные проблемы, рассматриваемые в нем, способ их рассмотрения, образ Сократа в диалоге и стиль диалога. Более того, в самом диалоге содержатся отсылки к более ранним рассуждениям (45b7, 46b6–7, 46c8–d4, 46d7–8, 47a13, 48b3–4, 48b4–10, 49a6–7, 49e1), которые заставляют искать параллели в других диалогах. При внимательном сопоставлении «Критона» с другими диалогами оказывается возможным отнести его к позднему периоду платоновского творчества (в данном случае проблема авторства мной не рассматривается). Верхней хронологической границей в этом случае оказывается диалог «Теэтет», а нижней – «Законы». В настоящей работе более подробно рассматривается взаимосвязь «Критона» с «Теэтетом».

В «Теэтете», традиционно датируемом 370 – нач. 360 гг. до н.э., появляются некоторые темы, разрабатываемые и в «Критоне», что позволяет предположить, что «Критон» опирается на «Теэтета». Почему не наоборот? Это можно доказать.

1. Одна из основных тем «Критона» – вопрос о соотношении мнений большинства и знатока. В этой части как раз присутствует большая часть вышеприведенных отсылок. В «Теэтете», по характеру своему гносеологическом диалоге, в связи с критикой Протагора также затрагивается вопрос о важности мнения специалиста. Утверждается, во-первых, что не всякому мнению следует доверять (на примере суждения правителей – 170a9–b5 и на примере предсказания будущего специалистами – 179a10–b5 и 179c2, причем для предсказания будущего мерой должен быть наимудрейший человек), и, во-вторых, что иметь ложное мнение – постыдно, а истинное прекрасно (194c1–2) и к ложному мнению склонны люди дурные и невежественные, а к истинному – прекрасные и мудрые (194c4–195a5). Первое положение в «Критоне» воспринимается уже как доказанное: 46c8–d4, как и второе, что видно из риторического вопроса Сократа (47a10–12 – стоящие мнения принадлежат людям разумным, а плохие – неразумным), который Критон воспринимает как не нуждающийся в доказательстве (к тому же этот вопрос подан в контексте припоминания ранее обсуждавшихся положений).

2. В «Критоне» Сократ так и не говорит, кому надо доверять в вопросах справедливого, называется лишь «кто-то один знающий» (48a5–10). В пункте 1 уже было указано место в «Теэтете», объявляющее знатоком наимудрейшего; кроме того, добавляется рассуждение о городах: в вопросах справедливого, прекрасного и священного сам город в состоянии утвердить законы (172 a1–b2). Если учесть первостепенное значение в «Критоне» законов, можно предположить, что Сократ опирается именно на «Теэтета».

3. Что касается кульминации «Критона» – речи Законов, то, во-первых, некоторые приемы в ней аналогичны вставной речи Протагора в «Теэтете»: обе речи направлены против Сократа в защиту их произносящих, в обеих Сократ как ревнитель

добродетели обвиняется в непоследовательности (167e1–3 Протагор, 51a4–7 Законы, это же относится к речи Критона: 45d6–8).

4. Во-вторых, из речи Законов хорошо видно, как изменился образ Сократа в «Критоне» по сравнению с «Теэтетом» (и вообще классическим образом платоновского Сократа). В «Теэтете» справедливость для истинного философа (для Сократа) – это подражание Богу, для чего надо стремиться стать *δίκαιον καὶ ὀσίον* и как можно быстрее бежать из этого мира (176a8–b3), а не, как это кажется большинству, стремление показаться хорошим человеком (176b6–7). В «Критоне», напротив, Сократу не присуща *otherworldliness* (выражение М. Burnyeat [Burnyeat: 35]), он ценит достойную жизнь (48b8–9), а справедливость, исходя из аргументов Законов против бегства из тюрьмы, понимает в смысле большинства из «Теэтета». Главенствующая роль здесь отводится не Богу, а Законам и обязанностям Сократа как гражданина. В других диалогах Сократ у Платона не столь законопослушен, в «Теэтете» вообще говорится, что философы не знают и не понимают законов (173d2–4). Законы в своей речи даже издеваются над Сократом как философом: 173d2–4 – из-за мудрости нельзя забывать об отечестве – и 54b5–7 – в изгнании Сократ не будет поступать лучше, *οὐδέ δίκαιότερον οὐδέ ὀσιότερον*: использованы те же слова, что в «Теэтете» при определении уподобления Богу. В «Критоне» Бог находится вне основного рассуждения, но придает ему глубину.

На основании этого, а также других менее значительных параллелей (о непонимании большинством справедливости: *Theaet.*177a7–8, *Cr.*49d2; определение души: *Theaet.*184d2–4, *Cr.*47e7–48a1; представление важной информации в виде сна: *Theaet.*201d8 слл., *Cr.*44a5–8), можно сказать, что, с одной стороны, «Критон» опирается на некоторые положения, уже доказанные в «Теэтете», а с другой стороны, решение проблемы и образ самого Сократа в «Критоне» не соответствуют «Теэтету», что позволяет предположить более позднюю датировку «Критона», приближенную ко времени работы Платона над «Законами».

Литература:

Platonis opera / Ed. J. Burnet): Vol. 1. Oxford, 1900.

Platon Apologie de Socrate, Criton / Introd. et trad. de Luc Brisson, Paris, 1997.

Burnyeat M. The Theaetetus of Plato. Indianapolis; Cambridge, 1990.

Thesleff H. Studies in Platonic Chronology. Helsinki, 1982.